

А. С. КАРАСЕВА
(Волгоград)

ПЕТЕРБУРГ БРОДСКОГО В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ ДОСТОЕВСКОГО

Исследуется проблема традиции Ф.М. Достоевского в творчестве И. Бродского на материале «петербургского текста».

Ключевые слова: *текст, традиция, образ, принцип двойника, Бродский, Достоевский, Петербург.*

С. Волков в книге «История культуры Санкт-Петербурга» утверждает, что И. Бродский «создал свой великолепный “ностальгический” вариант петербургского мифа» [4, с. 20], и если мы соглашаемся с данным мнением, то признаем Бродского творцом нового варианта мифа о Петербурге, созданного во второй половине XX в. «И всякий человек, который берется за перо в Ленинграде, так или иначе чувствует себя во власти традиции или принадлежащим традиции, он не может отказаться от этого», – говорил поэт в интервью 1991 г. [9, с. 142]. Рассмотрим, как рождался этот вариант мифа на основе традиции петербургского текста русской литературы, в первую очередь – Ф.М. Достоевского.

Вслед за Достоевским Бродский говорит о Петербурге как о «самом отвлеченном и умышленном месте на свете» [3, с. 294], подчеркивая, что «в самой архитектуре, в самом чисто физическом ощущении города<...> воплощена идея некоего безумного порядка (курсив мой. – К.А.)» [9, с. 193]. Но в чем же состоит «безумие» идеи города на Неве по Бродскому? «Умышленность» Петербурга для Достоевского есть его «искусственность, полное отсутствие национальных корней» [4, с. 71]: «Город – трагическая судьба человека. Город Петербург есть призрак, порожденный человеком в его отщепенстве и скитальчестве» [8, с. 37]. Бродскому «умышленность» Петербурга видится в метафизике, порожденной самим географическим положением города: «Петр построил город на краю империи, на отшибе, если угодно. Именно благодаря этому у нас возникла литература, ибо всякому писателю для того, чтобы писать о чем-то, нужен элемент отстранения, то есть, чтобы его письменный стол стоял как бы несколько вонне» [9, с. 148], и далее: «в Петербурге самые силь-

ные детские или юношеские впечатления связаны с этим необыкновенным небом и с какой-то идеей бесконечности» (Там же); когда эта «перспектива открывается – она же сводит с ума» [3, с. 295]. Для Бродского город, построенный «на краю света», изначально имеет оттенок безумия: «сводит с ума идеей бесконечности», «декоративность носит несколько безумный оттенок», да и вообще, в самом городе «воплощена идея некоего безумного порядка». Таким образом, если «умышленность» Петербурга для Достоевского во многом заключается в «отсутствии национального», то для Бродского она состоит в идее метафизики пространства на окраине мира. В. Куллэ пишет, что «Петербург, ощущаемый как “метафизическая гавань”, являлся для Бродского едва ли не единственным городом на земле» [12].

В своих высказываниях о «безумии города» Бродский опирается на богатую традицию. Известно, что «русская литература открыла особый национальный феномен *петербургского безумия*: так, в нашей литературе существует целый сквозной сюжет – от «Медного всадника» до «Петербурга» А. Белого» [1, с. 307]. Одним из персонажей поэмы Бродского «Шествие» оказывается герой романа Достоевского «Идиот» – князь Мышкин: *Вот шествие по улице идет. // Вот ковыляет Мышкин-идиот, // в накидке над панелью наклоняясь* [2]. Почему Бродский из ряда петербургских безумцев выбирает именно Мышкина? В поэме неоднократно подчеркивается болезнь героя: «Мышкин-идиот», «зимняя карета идиота», «прекраснодушный идиот, дурак». Т. Касаткина пишет о слове «идиот»: «Главное ... значение греческого слова – “частный, отдельный человек”. Изолированный. Отделившийся. От кого? Ответ дает Пушкин: “И я глядел бы, счастья полон, в пустые небеса...” Частный, отдельный человек отделен от Бога. И в этом своем состоянии он оказывается “идиотом” в том значении, которое выходит на первый план в русском языке. Предпосылка, данная в греческом корне, – “отдельность”, – порождает идиотизм. “Отдельный” человек обречен быть идиотом» [11, с. 204]. В «Романсе князя Мышкина» лирический герой Бродского ищет защиты у Бога: *подними мне руки для защиты, // если пощадить меня не можешь*, но не дожидается ответа и делает свой вывод: *...ты не хочешь. И не надо* [2]. «И не надо» – так звучит ответ князя Мышкина середины XX в. Богу. По Бродскому, «частный, отдельный человек», оказываясь на «краю света», иными словами, в Петербурге, чувствует свою

иллюзорную близость к Богу («идея бесконечности»), но когда эта иллюзия исчезает, остается безумие, ведь сама идея бесконечности «сводит с ума». Герой поэмы Бродского приходит к выводу, что выход из данной ситуации только один: *уезжать, бежать из Петербурга*.

Выводя на первый план своей петербургской поэмы «Шествие» образ князя Мышкина, Бродский говорит о явлении безумия как о характерном для обитателей города Петра: *уже сентябрь, и новая зима// еще не одного сведет с ума; Читатель мой, мы в октябре живем.// В твоём воображении живом// теперь легко представится тоска// несчастного российского князька; и в итоге: Читатель мой <...>когда придет октябрь – уходи* [2]. Таким образом, мы видим, что Бродский подхватывает идею Достоевского о Петербурге как о «месте, в котором жить нельзя»: Бродский, вслед за Достоевским, считает Петербург неестественным для России городом, полемически видоизменяет крылатое определение: не окно в Европу, а зеркало Европы: «дворцы и особняки высятся над замерзшей рекой» [14, с. 230].

И все же для Бродского, как и для Достоевского, Петербург – прежде всего «воплощенная в камне идея», и среди «безумного порядка» и «бесконечности, сводящей с ума» рождается поэзия. Я. Гордин в поэме «Гость» отмечает влияние автора «Братьев Карамазовых»: «Гость – загадочная вещь, в которой явственно ощущается Достоевский и которая разнится от настоящей поэмы фактическим отсутствием сюжета» [6, с. 198]. В поэме Бродского «Гость» актуализируется мотив двойничества, характерный прежде всего для петербургского текста русской литературы. Если мы рассматриваем Гостя в поэме как образ юности, которая бессмертна в памяти каждого человека («гость юности и злобного бессмертья»), то и воображаемая встреча лирического героя «с самим собой из прошлого» будет равна встрече с двойником. Бродский берет за основу прием из повести Достоевского «Двойник» и «разделяет» своего героя на «старшего» и «младшего»: *Вот вам приятель – Гость<...>Все та же пара рук. Все та же пара глаз... Любите же его. Он напрягает мозг// и новым взглядом комнату обводит...* [2]. В «Двойнике» старшего Голядкина сменяет его двойник – «младший» Голядкин, а в поэме Бродского герой прощается со своим двойником: *...Прощай, мой Гость* (Там же).

В поэме «Горбунов и Горчаков» Бродский еще раз обращается к теме «Двойника» Достоевского, но здесь уже остается только «млад-

ший», о чем свидетельствует концовка поэмы: *Спи, спи, мой друг. Я посижу с тобой.<...> А что до сроков – я прожду любой,// пока с тобой не повстречуюсь взглядом...* (Там же). В «Горбунове и Горчакове» образ двойника оказывается сложнее, чем в более ранней поэме «Гость». Произведение написано в форме диалога между пациентами психиатрической больницы, коротающими время в постоянных беседах. Л. Лосев пишет, что «внешними жизненными обстоятельствами, послужившими материалом для “Горбунова и Горчакова”, были два пребывания Бродского на обследовании в психиатрических лечебницах: несколько дней в Москве на Канатчиковой даче, а затем в Ленинграде на Пряжке» [13, с. 137]. В своих многочисленных интервью Бродский вспоминает именно ленинградскую больницу. Так, например, отвечая в 1987 г. на вопрос друга-журналиста «Какой момент жизни в СССР был для [тебя] самым тяжким?», Бродский ответил: «Психиатрическая тюремная больница в Ленинграде» (Там же). Именно в больнице на Пряжке поэт впервые осознает свою зависимость от пространства обитания, его форм и пропорций: «Это самое важное – пространство, в котором находишься. Помню, когда мне было года двадцать три, меня насильно засадили в психиатрическую больницу, и само “лечение”, <...> не производило на меня такого тягостного впечатления, как комната, в которой я находился.<...> Отношение размеров окон к величине комнаты было довольно странным, непропорциональным. То есть окна были на какую-нибудь восьмую меньше, чем должны быть. Это доводило меня почти до помешательства...» [9, с. 57]. Таким образом, основываясь прежде всего на авторском комментарии Бродского и мнении большинства исследователей, мы можем утверждать, что действие поэмы «Горбунов и Горчаков» происходит в именно Ленинградской психиатрической больнице.

Горбунов и Горчаков – два главных голоса поэмы Бродского, однако их роли в произведении различны. Так, Горчаков признается, что его природа – «огорчать» другого и «сомневаться» в каждом ответе собеседника: *Горбунов: «Ты хочешь огорчить меня?». Горчаков: «Конечно.// На это я, как известно, Горчаков»*. Образ Горчакова у Бродского очень схож с образом черта из «Братьев Карамазовых». «Кто ж я на земле, как не приживальщик?» – рассуждает черт, и Горчаков у Бродского «живет по пословице “Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше”» [5, с. 12]. Подобно черту Ивана Карамазова, Горчаков ста-

вит под сомнение реальность происходящего: Горбунов: «Наверное, приснилось». Горчаков: «Ни фига.// Скорее, это я тебе приснился». Задача черта – искушать и отрицать, и главный вопрос Горбунова, как и Ивана Карамазова, связан с «неустройством мира». Горбунов рассуждает: *Грех – то, что наказуемо при жизни.// А как накажешь, если стрелы всех// страданий жизни собрались, как в призме,// в моей груди?* От личной драмы, личной боли Горбунов идет дальше: ставит вопрос о страданиях вообще и о греховности.

Таким образом, если мы рассматриваем Горчакова как в некотором смысле «черта», т.е. злого двойника Горбунова, то прослеживается влияние образов романа «Братья Карамазовы», с той лишь поправкой, что действие своей поэмы Бродский переносит в Петербург. Пространство города для героев «Горбунова и Горчакова» замыкается в стенах психиатрической больницы, откуда сбежать невозможно, да и бежать некуда. Впрочем, и в ранней поэме «Шествие» побег также иллюзорен: *И всю жизнь летит до поворота <...> зимняя карета идиота.* А.В. Злочевская считает, что с помощью приема двойника Достоевский стремится «раскрыть субъективную природу отчуждения личности от самой себя»: «Система двойников является следствием характерного для всего поэтического мира Достоевского стремления выразить в идее все “глубины души человеческой” и “найти человека в человеке”» [8, с. 30]. Можно добавить, что «отчуждение от самого себя» возникает у героев Достоевского и Бродского вследствие «отдаления личности от Бога». В творчестве Достоевского трагедия личности состоит в осознании утраты своей целостности, в осознании своего одиночества в мире. Герой Бродского всегда одинок, как одинок и Петербург: «Это город, где как-то легче переносится одиночество, чем в других местах, потому что сам город одинок» [2, с. 238].

Можно сказать, что Бродский-поэт «переводит Достоевского не как проблему в ряду проблем, но как тему жизни, более того, стремится и собственные режимы мысли идентифицировать “через Достоевского”» [10, с. 4]. Тема «отделения человека от Бога» будет волновать Бродского всю жизнь. Уже в ранней поэме «Шествие» он сделает попытку по-своему интерпретировать один из главных образов Достоевского – князя Мышкина. У Бродского безумие и двойничество – «вечные спутники» в Петербурге, а по-другому и не может быть, потому что в самом городе, «в самой архитектуре <...> воплощена идея некоего безумно-

го порядка». Таким образом, облик города у И. Бродского продолжает традиции «петербургского текста» русской литературы. Одним из самых существенных оказывается влияние на творчество поэта петербургского мифа, созданного Достоевским. Бродский обращается к идеям и героям Достоевского, переосмысливает их, полемизирует с ними.

Литература

1. Бочаров С.Г. Петербургское безумие // Пушкинский сборник / Collectif; пер. И.А. Пильщиков; ред.-сост. И.З. Сурач; сост. И.Е. Лошилов. М., 2005. С. 305 – 317.
2. Бродский И. А. Собрание сочинений : в 7 т. СПб., 1992. Т. 7.
3. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998.
4. Волков С. История культуры Санкт-Петербурга. М., 2008.
5. Глазунова О. Иосиф Бродский: метафизика и реальность. СПб., 2008.
6. Гордин Я. Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел: О судьбе Иосифа Бродского. М., 2010.
7. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 30 т. Л., 1980.
8. Злочевская А.В. К проблеме «самостоятельности» героя в художественном мире Достоевского // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9 : Филология. 1980. № 2. С. 23 – 33.
9. Иосиф Бродский. Большая книга интервью. М., 2000.
10. Исупов К.Г. Компетентное присутствие (Достоевский и «Серебряный век») // Его же. Достоевский: материалы и исследования. М., 2000. С. 3 – 26.
11. Касаткина Т. «Идиот» и «чудак»: синонимы или антонимы? // Вопр. литературы. 2001. № 2. С. 90 – 104.
12. Куллэ В. Поэтическая эволюция И. Бродского в России (1957 – 1972). URL : <http://www.liter.net>.
13. Лосев Л. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. М., 2006.
14. Лосев Л. Реальность зазеркалья: Венеция Иосифа Бродского // Иностран. лит. 1996. № 5. С. 224 – 243.
15. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: избр. тр. СПб., 2003.

Petersburg as seen by Brodsky: new myth or tradition?

There is researched the issue of Dostoevsky's tradition in the creative work of I. Brodsky on the material of "Petersburg text".

Key words: *text, tradition, image, the principle of double, Brodsky, Dostoevsky, Petersburg.*